

Жорж Бернанос

Новая история Мушетты

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Жорж Бернанос

Новая история Мушетты / Жорж Бернанос – М.: Книга по Требованию, 2011. – 64 с.

ISBN 978-5-4241-2789-2

Жорж Бернанос (1888-1948) - один из крупнейших французских писателей, с которым русский читатель знаком по нескольким новеллам. Писатель ставит проблемы, имеющие существенное значение для понимания духовной жизни человека. Бернанос отдает свои симпатии людям обездоленным. Страдающие, подчас отчаявшиеся, они находят в себе силы для любви, добра.

ISBN 978-5-4241-2789-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Бернанос Жорж
Новая история Мушетты

С первых же страниц этого повествования родное имя Мушетты так естественно, так само собой навернулось мне на перо, что заменить его каким-либо другим стало уже невозможным.

Мушетту, героиню "Новой Истории", роднит с Мушеттой из "Солнца Сатаны" лишь их трагическое одиночество, обе они жили одинокими и одинокими умерли.

Да будет милосерд господь и к той и к другой
Ж. Б.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И вот уже прорвавшийся с запада шквальный унылый ветер - морской, по утверждению Антуана, - разносит во мраке голоса, рвет их на куски. С минуту поиграет с каждым в одиночку, потом собьет в один клубок и, хрипя от злости, забросит неизвестно куда. Последний, донесшийся до Мушетты, еще висит где-то в воздухе, совсем как те осенние листья, что долго кружатся, прежде чем лечь на землю.

Мушетта решила было не надевать башмаки на деревянной подошве - так легче бежать. Сегодня, как на грех, она, по ошибке, сунула ноги в чужие. Ну и плывать! Башмаки Эжена оказались такие большущие, что между задником и щиколоткой может войти вся ее тоненькая пятерня. Зато есть в этом и свое преимущество - если при каждом шаге чуть подкидывать башмаки пальцами ног, они, словно пара огромных кастаньет, так грохочут по щбенке школьного двора, что Мадам - как они зовут учительницу - просто заходится.

Мушетта легко взбирается на самый верх откоса и, прислонившись к живой изгороди, насквозь пропитанной влагой, останавливается, чтобы оглядеться. С этого наблюдательного пункта до школы вроде бы рукой подать, но теперь на школьном дворе никого уже нет. По субботам после большой перемены все классы сходятся в парадную залу, главным украшением которой служит бюст Республики и портрет бывшего президента Армана Фальера, висящий здесь с незапамятных времен, а в углу к стене прислонено знамя Гимнастического общества, хранящееся в клеенчатом чехле. Должно быть, как раз сейчас Мадам объявляет отметки за неделю, а потом все хором еще раз прорепетируют кантату, которая входит в торжественную часть праздника при распределении наград, но когда еще оно будет. Ох, когда-то еще оно будет в этом печальном месяце марте. Но вот она ясно различает навязшую в зубах мелодию "Большие надежды", которую запекает сама Мадам, страшно оскалив тонкогубый рот и с таким яростным взмахом головы, что гребень, поддерживающий пучок, сползает на шею...

Надейтесь!.. Надейтесь сильнее!

Еще трое суток, - сказал им Колумб, - и я новый мир вам открою!

А сам все смотрел на небесный свод

Под дымякою голубою...

Сквозь мутные стекла Мушетта с трудом различает склоненные попарно, по трое над партитурой головки своих соучениц, зато на фоне окрашенной эмалевой краской стены четко вырисовывается длинный силуэт Мадам, взгромоздившейся на помост. Тощая длань, следуя ритму кантаты, то взмывает к небесам, то опускается долу, а то, протянутая угрожающе-властно, застывает на весу, и голоса медленно стихают, словно бы стелятся у ног укротительницы, как смиривший хищник.

По уверению учительницы, Мушетта не имеет "ни малейших способностей к пению". Неправда это, Мушетта просто ненавидит пенье. Как, впрочем, и ко всякой музыке питает дикую, необъяснимую ненависть. Стоит только длинным изуродованным подагрой пальцам Мадам коснуться клавиш уныло ноющей фисгармонии, как сразу что-то так мучительно сжимается в полудетской груди Мушетты, что даже слезы на глазах выступают. Какие слезы? Скорее всего слезы

стыда. Каждая нота подобна слову, больно ранящему самую ее душу, как те грязные слова, которые вполголоса бросают ей вслед мальчишки, а она притворяется, что не слышит, но порою носит их с собой до самого вечера, как будто они присохли к ее коже.

Как-то она попыталась объяснить Мадам тайну этого неодолимого отвращения, но, бледнея от гнева, смогла выдать из себя всего несколько нелепых, ничего не объясняющих фраз, а в каждой попадалось слово "противно". "Мне музыка противна". "Вы просто дикарка, настоящая маленькая дикарка, удрученно твердила Мадам. - Но ведь и у дикарей есть музыка! Конечно, своя, варварская, но все-таки музыка! Всегда и повсюду музыка предшествовала науке". Тем не менее учительница не отступала, пытаясь обучить ее сольфеджио, понапрасну тратила уйму времени, буквально голову теряла. А все потому, что Мушетта, которая упрямо отказывалась неизвестно по какой причине "давать грудной звук" и еще усиливала свой ужасающий Пикардийский акцент, Мушетта, по утверждению Мадам, обладала прелестным голосом, скорее даже голосом, до того невесомо хрупким, что, казалось, вот-вот он переломится пополам, прервется, а он не прерывался. Когда же Мушетта, на горе свое, достигла четырнадцати лет и тем самым стала "старейшиной" школы, она тоже начала "давать грудной звук", если только вообще пела. Обычно она довольствовалась тем, что просто беззвучно открывала рот в надежде обмануть недреманное ухо Мадам. Случалось, что Мадам в ярости скатывалась с помоста, тащила бунтовщицу к фисгармонии и, нажимая ладонями на затылок Мушетты, пригибали ее голову к самым клавишам.

Иной раз Мушетта упорствовала. Иной раз просила пощады, кричала, что сейчас попробует. Тогда учительница усаживалась на табурет перед фисгармонией, извлекала из адского этого инструмента не то жалобу, не то мычание, и над этими унылыми звуками вдруг возносился умопомрачительно чистый, чудом обретенный голос, подобный крохотной лодчонке на гребне пенного вала.

Поначалу Мушетта не узнавала собственного голоса: не до того ей было, она зорко всматривалась в лица подруг, ловила взгляды, кривые улыбки зависти, которые по простоте душевной считала пренебрежительными. Потом, словно бы из самых недр непроницаемого, колдовского мрака она вдруг замечала, что поет. Тщетны были все усилия разбить хрустальную струйку, под шумок вновь запеть горлом, усилить Пикардийский акцент. Свирепый взгляд Мадам всякий раз призывал ее к порядку, как и рев внезапно обезумевшей фисгармонии. Несколько мгновений Мушетта изнемогала в неравной борьбе, такой жестокой борьбе, что никто и представить себе этого не мог. И, наконец, невольно, даже против ее желаний, фальшивая нота вырывалась из худенькой груди, где теснились рыдания, и сразу становилось легче. Будь что будет! Со всех сторон раздавался смех, и сразу же лицо Мушетты пряталось под маской тупости,- так научилась она скрывать свои маленькие радости.

Сейчас Мадам небось уже заметила ее отсутствие, ну и пускай! Через минуту Мушетту ждет самое большое ее удовольствие, такое же жалкое и дикарское, как она сама, удовольствие сродни ей самой. Через минуту дверь, вырисовывающаяся черным прямоугольником на фоне стены, вечно закрытая, распахнется и извергнет из себя на дорогу с единым пронзительным визгом наконец-то получивших свободу девочек, глухих к последним призывам Мадам, к бесполезному

теперь хлопанью в ладоши. И вот, притаившись за изгородью, удерживая дыхание, чувствуя, как в сердце нарастает сладостный страх, Мушкетта из своего укрытия будет исподтишка следить за щебечущей стайкой, хотя лиц уже не разглядеть из-за сгущающихся сумерек, и только голоса раздаются во мраке, теперь уж различаешь каждый не по знакомому, а по новому их звучанию.

Даже привычка не притупляет маленькие радости Мушкетты, не притупила и эту - напротив, с каждым разом становится все интереснее. Открыла она для себя этот секрет, впрочем, совсем случайно, как случайно в темных прогалинах по колеям обнаруживает сотни чудесных вещей, которых никто не видит и которые валяются там годами.

В иные дни, в ее плохие дни (так по крайней мере называет их Мадам), как только зазвонят к последней перемене, которую полагается проводить в школьном дворике, скупо освещенном единственным газовым рожком, ее охватывает непреодолимое искушение перелезть через изгородь и бежать в темноте куда глаза глядят. Раньше она неслась по Обенской дороге, даже не отваживаясь оглянуться, сопровождаемая грозным стуком собственных башмаков с ушками, и останавливалась перевести дух только там, где ответвляется дорога на Сен-Вааст. Но в один прекрасный день, когда Мадам пришла вдруг фантазия перенести урок сольфеджио на завтра, девочки гурьбой вывалились из школы одновременно с Мушкеттой и направились в ту же сторону. Пришлось тогда быстренько вскарабкаться на откос, ползти на животе по траве. В великому ее удивлению, задохнувшиеся от бега девчонки привычно остановились у первого поворота поболтать. И нередко случалось даже, что когда уже все девочки расходились по домам, две какие-нибудь подружки ненадолго задерживались, поверяя друг другу секреты. Иногда они прислонялись к поросшему травой откосу. Мушкетте стоило только руку протянуть, и она могла бы потрогать их сбившиеся на сторону пучочки, подвязанные засаленной ленточкой.

Самыми сладостными были именно эти последние минуты. Уже разбредают по бесчисленным тропкам их лесного края через пастбища, через ручьи маленькие группки ее соучениц. Только там подальше, на дороге, еще шепчется о чем-то парочка неразлучных, а тем временем невидимая никому наблюдательница с силой прижимает оба кулака к губам, чтобы не чихнуть часом, потому что от сырой травы навсквозь промокли чулки.

Нынче вечером школьницы пронесли мимо беспорядочной стайкой, скрылись из виду все вместе, и сомкнувшуюся за ними тишину нарушал лишь еле уловимый шорох дождевых капель в опавшей листве.

Не помня себя от злости, Мушкетта швырнула вслед припоздавшей парочке целую пригоршню грязи, но комок бесшумно шлепнулся в колено. Девочки даже не оглянулись. Зря старалась! Где-то у Линьера еще слышен нестройный гул голосов, но вскоре он переходит в неясное бормотание, временами ему отвечает удар молота по наковальне, таким же чистым, таким же четким звуком, как тот, что по весне рвется из серебряного горлышка жабы.

Опять Мадам позабыла потушить на школьном дворике газовый рожок, рожок устарелой системы, где язычок пламени похож на желтую бабочку с голубым сердечком. Даже здесь слышно, как на ветру огонь плюется искрами, присвистывает, но вот он снова взмывает вверх, и в отблесках пламени пляшут по мертвенно-бесцветному цементу тени красных, крашенных столбов и уродливой плоской

крыши. Мушетта глаз отвести не может. Ей чудится, будто она уже все эта видела давным-давно, сотни раз видела во сне и что нынче этот зловещий уголок кого-то поджидает. Придет ли он? Придет ли нынче вечером?.. Но на пороге кухни вдруг появляется Мадам и, крупно шагая, подходит к фонарю и гасит его. И все исчезает разом, только огромный тополь еле-еле различимый на фоне неба, шепчет что-то, словно ручеек.

Мушетта вовсе и не собирается спускаться с откоса. Она проскальзывает под изгородь, оставив на шипе колючей проволоки кусок шерстяной косынки, и идет прямо пастбищем, по его мягкому склону она доберется до Манервильского леса. Впрочем, никакой это не лес, а так себе, просто молодое мелколесье площадью в несколько гектаров, почва здесь скудная, песчаная, и полно худосочных кроликов величиной не больше крысы. Их поселок Сен-Венан примостился у противоположной опушки, крошечный поселок, всего несколько очагов, последний огрызок некогда огромного уголья, раздробленного на части десять лет назад евреем - перекупщиком земельных участков, прибывшим с Арден. Домик Мушетты притулился в стороне, у самой кромки стоячего болота, забился в чащобу. Саманные стены потрескались от мороза снизу доверху, потолочные балки, уворованные где ни попадя, вот-вот рухнут. Придет холодная пора, отец заткнет дыры пучками хвороста и на том успокоится.

Когда Мушетта добралась до леса, ветер задул еще сильнее, дождь налетал короткими порывами, пригибая к земле покряхтывавший сухостой. Стало так темно, что даже не видать, куда ступаешь. Дождинки стучат, будто градины.

Мушетта храбро задирает юбчонку на голову и пускается бежать изо всех сил. На ее беду, земля, изрытая вдоль и поперек кроличьими норками, оседает при каждом неосторожном шаге, а когда забираешься в заросли, где переплетенная толстенными корнями почва тверже, по лицу злобно хлещут мокрые ветки, гибкие, как лозина. Одной веткой сорвало с головы косынку. Мушетта кидается за ней, спотыкается о пень и падает со всего размаху. Проклятая косынка! Хоть бы новая, так нет, совсем не новая! Но она переходит от одного к другому, смотря кому понадобится. Даже отец иногда, когда у него уж слишком разболтаются зубы, обматывает этой самой косыночкой свою физиономию, перекошенную флюсом. Разве что только чудом может пройти незамеченной пропажа столь ценной вещи, особенно если каждый привык видеть ее на определенном гвоздике. Боже ты мой, какая же ее ждет порка, даже сейчас заранее горит спина!

Трескотня дождевых капель возобновляется с новой силой, и теперь к ней примешивается идущее отовсюду пришептывание насыщенной влагой земли, короткое чмокание срывающихся в колено комков грязи, и иногда вдруг под невидимым отсюда камнем забурилит вода, пробивая себе путь, словно прорывдаёт на кристально чистой ноге. Уже отчаявшись, Мушетта кружит наугад по чащобе. Потом, пригнув голову, бежит прямо напролом. Промокшая юбка липнет к коленам, и при каждом шаге приходится обеими руками придерживать за уши отяжелевшие башмаки. Ух, черт! Только она собиралась перепрыгнуть через лужу грязи, - а поди рассчитаи в темноте, широкая она или нет, - как вдруг под ее ногами разверзается земля и с плотоядным чавканьем заглатывает правый башмак. Мушетта скатывается в ров, делает наудачу несколько шагов, выпрямляется, еще оглушенная падением, отыскать дорогу она уже не в силах, ревет от злости, прыгая на одной ноге и поддерживая правую, босую, рукой.

Выбившись из сил, она опускается прямо на землю, словно захмелев от холода и усталости. Но хуже всего, что после бессмысленных блужданий и поворотов она уже не надеется выбраться на дорогу. Напрасно она закрывает глаза, с закрытыми глазами лучше слышно. Уже давно кузнечный молот не стучит о наковальню, да к тому же буря так разыгралась, что деревья дрожат, точно туго натянутые струны. Разве что, да и то с трудом, прорвется далекий лай собаки, но его гут же подхватит и унесет ветер. Дорога, на которую она выбралась, просто-напросто одна из бесчисленных проторенных тропок, которые каждую зиму прокладывают деревенские старухи, отправляющиеся в лес за валежником; на обратном пути они волочат по земле вязанки хвороста, огромные корзины с сушняком.

Небось дома уж давно отужинали. Хочешь не хочешь, а придется лечиться на голодный желудок. Хоть бы отец нынче вернулся пьяным! К сожалению, рассчитывать сегодня на это не очень-то приходится. Свеклу уже свезли на той неделе, работы нету, в кабачке в кредит больше не отпускают, потому что мадам Изамбар, новая кабатчица, не слишком-то мирволит пьяницам. Правда, есть в заначке, за поленницей, бутылка можжевельной. Да только мать, которая теперь почти ничего не ест из-за вечной боли в груди, не прочь иногда выпить стаканчик, разбавив ее наполовину водой. Обычно это проходит незамеченным, так как бывший контрабандист употребляет свою собственную продукцию только после возвращения из кабачка, когда у него, по собственному выражению, "подагра все тело гложет", так что, видать, ему конец приходит. Но нынче вечером...

Разумеется, мысли Мушетты не текут столь стройно и логично. Расплывчатые, они с легкостью перескакивают с одного на другое. Если бы бедняки могли воссоздать из своих горестей цельную картину, они бы совсем пали духом. Но беды - просто-напросто сцепление бед, череда несчастных случайностей. Бедняк подобен слепцу, который десятки раз пересчитывает дрожащими пальцами монетки, не умея определить их достоинства ни по орлу, ни по решке. Так вот и беднякам хватает самой мысли о бедности. Их горе лица не имеет.

Теперь, когда Мушетта уже не борется, ее охватывает инстинктивная, бессознательная покорность, та, какой сильны животные. Никогда в жизни она не болела, и холод, сковывающий все тело, даже не причиняет мук, скорее уж от него как-то уютно, как, впрочем, и от многого другого. Но это ничем не грозит, не будит мыслей о смерти. Да, впрочем, и о самой смерти Мушетта думает как о некоем чрезвычайном событии, как о чем-то маловероятном, о чем глупо заранее думать, как, скажем, об огромном выигрыше в лотерее. В ее годы умереть или сделаться барыней - просто выдумка, химера...

Она осторожно втискивается меж двух сросшихся стволов большой сосны, ее верно забыли дровосеки. Ложем ей служит толстый слой сосновых иголок, почти сухих, так как дождевая вода легко просачивается сквозь них. Она снимает свой единственный башмак, стягивает шерстяные чулки, выжимает их. Кажется, что ветер дует теперь отовсюду разом, ураганом срывается в самую чащобу, исхлостанную свирепым ливнем, и вздымает вверх к небу среди vzdыбленных ветвей, словно столб дыма, жалкенькую стайку опавшей листвы, но ее тут же прибывает к земле водяным смерчем.

Услышав шум шагов, она не спеша приоткрыла глаза и сразу же разглядела его: он направлялся к ней, осторожно ступая, будто ночной зверь. Длинный си-

луэт, совсем как только что в школе силуэт Мадам, кажется черным на фоне более светлого неба. Широленные охотничьи штаны, натянутые поверх вельветовых брюк, свисали, как подол юбки. Мушетта сразу же узнала его по запаху табака, контрабандного бельгийского табака с фиалковой отдушкой, иногда он давал этот табак ее отцу в виде спрессованного большого бруска огненного цвета и такого твердого, что приходилось рубить его секачом.

- Смотрите-ка, да это ты! - проговорил он.

Он чуть было не наступил на нее своими огромными сапожищами, от которых идет удушливый запах сала и перегноя. И тотчас же в лицо ей ударяет луч электрического фонарика.

- Слишком грязно, чтобы синок ставить, пойду-ка домой.

Мушетта с трудом подымается, не выпуская из рук мокрых чулок и единственного своего башмака. Все ее тщедушное тельце бьет дрожь.

- Эх, дьявольщина! Да ты, красотка, с холоду, того гляди, помрешь... Надо же выдумать - в такую непогоду в низину забраться... Да сюда через пять минут вода дойдет, разрази меня гром. А куда ты, бедолага, второй башмак подевала?

- По...по...потерялся, мосье Арсен.

- От уж дуреха!.. Из школы, что ли, возвращаешься? С дороги сбилась, да? С подружками шла? Видать, мозги у тебя куриные, надо прямо сказать.

Он снова направляет на нее луч электрического фонарика. Тщетно Мушетта пытается натянуть мокрые чулки. Она в самом центре неподвижного светового пятна, одна нога у нее вытянута, другая поджата; ее словно бы сковало этим светом, она просто не в силах подняться со своего ложа, хотя ей все-таки удалось сесть.

- Вернешься к отцу с одним башмаком, береги зад! Помнишь хоть, где ты его, разиня, посеяла?

Мушетта вскидывает голову, стараясь разглядеть в темноте склоненное над ней лицо. Присутствие этого парня ничуть ее не тревожит, ведь не встревожилась бы она, очутись рядом с ней собака или кошка, но, прежде чем эта мысль успевает сложиться в ее голове, ухо уже улавливает в знакомом голосе какую-то почти неприметную нотку, трещинку, что ли. И словно ее поясницу обжег удар бича - она вскакивает на ноги.

- Чего это на тебя нашло? Вдруг ожила! На осиное гнездо, что ли, села? Ну говори, черт тебя раздери, где башмак потеряла?

Голос становится жестче, повелительней, и Мушетта понимает, что мешкать нельзя, а то, того гляди, заработаешь парочку хороших подзатыльников. Ну и ладно! Ни угрозами, ни подзатыльниками не вырвать у нее ни слова, пока не отпустит нервное напряжение. Она прекрасно может, даже глазом не моргнув, выслушивать получасовые нотации Мадам, в сущности не слыша их, и вдруг какой-нибудь жест, какое-нибудь слово, и она уже чувствует, что на нее накатывает то, что учительница не без удовольствия определяет словом "припадок", "ваш припадок". "Я, очевидно, оскорбила мадемуазель Мушетту!" И подруги хохочут. Но отец выражается куда категоричнее. "Не строй свиной хари!"

Она делает несколько неверных шагов, отступает назад, прислоняется к стволу сосны, той, что потолще. Тыльной стороной левой руки утирает лоб, щеки. Лента, которую она вплетает в свою недлинную косичку, так и осталась висеть на коллочках. С рассыпавшихся прядей, которые она каждое воскресенье

обильно мажет маслом, стекает вода.

Мосье Арсен снова глядит на нее, целую долгую минуту глядит. Глаз его она не видит, но слышит его дыхание.

- А ну пойдем, хватит болтать! - говорит он. - Вода подымается.

Он идет впереди, она за ним. От коротких вспышек фонарика еще более густым, еще более предательским кажется ночной мрак. Мушетта натывается на пни, царапает себе ноги сосновыми иголками. Ни за какие блага мира она не попросила бы мосье Арсена идти помедленнее, потому что в самых затаенных глубинах ее существа живет инстинкт физической покорности, как у всякой женщины из простонародья, которая может здорово обляять пьянчугу мужа, но послушно семенит с ним рядом, приравливая свой шаг к его. Платье Мушетты превратилось в ледяной саван. А ей на это наплевать, она уже не страдает от холода, уже не чувствует ни своих ног, ни живота, только там, в груди, поднимается боль, там как-то пусто, неловко, тошнотно. Взгляд ее прикован к ритмичному кольханию плеч ее спутника... Стоп!

Слово это с запозданием доходит до ее ушей. Она делает шаг вперед, падает на колени, поднимается. Они стоят посреди незнакомой ей поляны. Дождь и не думает униматься, ветер крепчает. Мертвенно-белесое небо изливается им прямо на головы, грохоча, как водопад.

- Иди сюда!

Она снова делает несколько шагов, но так непомерно тяжка ее усталость, что, взбираясь на отлогий откос, где расплзаются босые ноги, она невольно, не подумав, хватает за руку своего провожатого.

- А теперь нагибайся!

Он первым входит в лачугу и резким движением плеч сбрасывает сумку, которая с мягким стуком падает наземь. Сумка набита кроликами, еще теплыми, со слипшейся от дождя и крови шерсткой.

- Об заклад бьюсь, что ты даже не слыхивала о лачуге Зидаса, - говорит он. - Чем безобидней с виду тайник, тем он надежнее. Ну скажи сама, кто же на такую грязную развалюху подумает?.. В прошлом году, еще до начала охотничьего сезона, наехали сюда к нам из Булони с сетями и столько куропаток нагребли, что ихнему грузовичку пришлось два рейса делать. Только вот на обратном пути с ними авария на Бланжийской дороге приключилась. Стражники пронюхали. Я сам сюда приволок дичи больше, чем на пять тысяч франков. Заметь, что жандармы во всех направлениях прочесали долину, нашли даже прошлогодние тайники; правда, там одна только прелая солома была, но даже в голову им не пришло обыскать лачугу, а если бы и обыскали, ничего, видишь ли, и не обнаружили бы, кроме кучи хвороста да старой куртки. Потому что...

Мушетта без сил повалилась в углу, прямо на землю. Ей мешает сосредоточиться этот поток слов, но все ее чувства начеку, подстерегают грядущую опасность, какую, она еще и сама не знает. Потому что раз пробудившееся недоверие так легко не усыпишь. Глазам больно, и она опускает веки. Со стороны кажется - спит.

Однако ни одно движение ее хозяина от нее не ускользает. Длинными тонкими пальцами, хотя и грязными, а все-таки куда белее, чем у прочих деревенских, он, как пес, разгребает землю, потревожив слой сухих листьев, разлетевшихся по всей лачуге. Открывается люк, прикрытый простой крышкой от ящика с ве-